

настоящее будущее
future actually

*Перевод для электронного журнала о благотворительности
«Филантроп»*

Статья о понятии «благотворительность» (En-Ru)

*Переводила Ольга Кулагина
Редактировала Ольга Мельникова*

The original article

Understanding why philanthropy is always fuzzy at the edges: <http://www.philanthropyuk.org/news/2012-02-20/understanding-why-philanthropy-always-fuzzy-edges>

Почему понятие благотворительности представляется нам несколько расплывчатым

Что такое благотворительность и зачем ее изучать? Во время своего недавнего визита в Великобританию Черил Чэпмен задала эти кажущиеся простыми вопросы Майклу Муди (Michael Moody, PhD), одному из авторов книги «Понимание благотворительности; ее значение и миссия»

ЧЧ: Термин «благотворительность» по-разному трактуется различными группами людей и используется для обозначения весьма широкого круга деятельности. А какое определение этому понятию дали бы Вы ?

ММ: Прежде всего, хочу сказать, что разнообразие благотворительной деятельности, которое мы сегодня наблюдаем, – очень позитивное явление. Позитивное потому, что в нем концентрируется много энергии и новаций. Люди постоянно расширяют границы благотворительности. Если бы мы в течение ста лет занимались одним и тем же, то гораздо большее количество людей забросило бы благотворительность довольно быстро – им бы не хватило энергии. Хотя исследований на эту тему не проводилось, но из примеров нам известно, что люди приходят тогда, когда видят что-то интересное, что-то, на что они готовы потратить время и силы. Люди увлекаются именно новациями и переменами, которые мы как раз наблюдаем.

Если же говорить о самом термине, то все труднее подобрать такой, который бы описал невероятно широкий круг благотворительной деятельности, начиная с неформальной, как, например, помощь детям, и заканчивая весьма формализованной, когда большие организации заняты созданием библиотек, медицинскими исследованиями, сохранением исторических зданий. Наверное, лучше создать целую концепцию, которая охватывала бы все эти столь далекие области, чтобы случайно не исключить те ветви, которые не впишутся в наше определение.

Создание концепции позволило бы очертить границы деятельности, которую мы считаем благотворительной, и тогда уже можно обсуждать и пограничную деятельность. Это, конечно, не значит, что концепция формулируется раз и навсегда и имеет жестко заданные границы. Когда она уже создана, вы можете исследовать ее пересечения с пограничными областями, выходящими за ее рамки.

Рассуждая о том, как далеко мы можем зайти, включив в нашу концепцию то или иное неформальное действие (например, помощь человеку при переходе улицы), всегда полезно вспомнить бизнес. «Благотворительность» – собирательный термин, такой же, как термины «бизнес» и «правительство». Когда мы говорим о бизнесе, то иногда включаем в это понятие весьма неформальные виды деятельности, например, теневую экономику. Деловая активность

осуществляется не только зарегистрированными компаниями, заключающими регулируемые законодательством сделки. Точно также и неформальные акты благотворительности должны быть включены в концепцию. На самом деле, некоторые виды деятельности, которые начинались, как неформальные, например, когда люди собирались вместе, чтобы помогать друг другу, или для общения, или по каким-то иным причинам, впоследствии преобразовывались в формальную благотворительную некоммерческую организацию, как это произошло с «Lion's Club» в США или с институтом взаимного страхования. Где действительно начинается путаница — так это когда речь заходит о помощи соседу или человеку, по отношению к которому мы имеем родственные обязательства.

Но смысл определений и состоит в том, чтобы понимать, какие именно вещи происходят внутри обозначенных нами границ. Если у нас есть концепция, то как бы ни были размыты ее пограничные области, она помогает нам разобраться во всем этом многообразии.

В нашей книге мы используем определение Роберта Пэйтона: «Благотворительность — это добровольная деятельность, направленная на общественное благо». Выделим три основных аспекта в данном определении: во-первых, оно носит утвердительный характер, в нем используется утверждение, а не отрицание, как, например, в формулировке «не извлекающая прибыль»; оно констатирует добровольность и этичность данной деятельности. Под добровольностью мы понимаем отсутствие принуждения. Благотворительная организация не может отправить человека в тюрьму или заставить его платить налоги. Однако благотворительность все-таки несет в себе элемент принуждения: мнение окружающих (давление общественного мнения — великолепный способ увеличить сбор средств) или давление некоего особого положения — *noblesse oblige* (положение обязывает).

Говоря о благотворительности как об этическом акте, мы попадаем на весьма зыбкую почву, так как это может привести нас к превратному толкованию. Принято считать этическим такое поведение, когда человек благочестив, корректен и подчиняется некоей жесткой системе ценностей. Но мы под этическим поведением понимаем добровольное вмешательство в жизнь других людей для создания положительных последствий такого вмешательства. При этом мы имеем в виду, что служим общественному добру, как мы его понимаем. Также и правительство страны действует на общее благо, но его действия не являются добровольными и этическими в том же смысле.

ЧЧ: Видите ли Вы разницу между милосердием и благотворительностью?

ММ: С течением времени слово «милосердие» стало обозначать ту сторону благотворительности, которая связана с облегчением страданий. Милосердие — это очень хороший широкий термин, но он содержит в себе большой исторический балласт. Он несет на себе след опеки и нравоучительных дружеских визитов дам викторианской эпохи. В нем скрыт сильный отрицательный подтекст в глазах людей, не желающих принимать милостыню; подразумевается, что получатель просит о помощи и не может сам о себе позаботиться и что дающий приобретает над ним власть. Я не знаю, заслуженно ли данное понятие несет такой подтекст, и думаю, что мы обязательно должны поддерживать в людях милосердие. Но именно как термин из-за всего этого наследия он менее полезен, чем широкое понятие «благотворительность». В нашей книге мы пишем об основном различии между целями этих понятий: милосердие направлено на облегчение страданий, а благотворительность — системно улучшает качество жизни. В общем и целом всегда можно распределить нашу деятельность по этим двум нишам, но в идеале мы бы хотели, чтобы благотворительность включала в себя оба понятия.

ЧЧ: Всегда ли благотворительность бескорыстна?

ММ: Не думаю, что нам нужно искать бескорыстные побуждения для того, чтобы сказать, что мы имеем дело с благотворительностью: на самом деле, всегда есть целая масса мотивов. Благотворительность рождается из баланса альтруизма и эгоизма. Всем нам знакомо приятное чувство, которое возникает, когда что-то отдаешь, а некоторые люди любят публичное признание их благодеяний. Говоря, что благотворительность бескорыстна, мы сужаем ее рамки и отрицаем реальность. Даже если люди не бывают полностью бескорыстными, это не делает их неспособными к благотворительности. Если бы мы признавали только альтруизм, благотворительность бы погибла. Для меня благотворительность — не столько внутренняя потребность, сколько традиция,

встроенная в каждую культуру. И способы благотворительности специфичны в каждой культуре: ей учатся и ее выражают в определенной манере, свойственной обществу, в котором мы выросли, — так, пройдя через поколения, определенный тип благотворительности становится традицией.

ЧЧ: Если благотворительность так связана с культурной средой, что становится внутренней потребностью, можем ли мы стимулировать благотворительность?

ММ: Безусловно. Причем, как в количественном, так и в качественном отношении. Поскольку благотворительности можно учиться, то можно и продвигать ее очень разными способами. Когда Билл Гейтс и Уоррен Баффет в определенный момент решили посвятить себя благотворительности, это послужило сильным побудительным сигналом для других людей: большое состояние должно распределяться. Осознание данной ценности возросло. Идеологический пример таких благотворительных проектов, как Giving Pledge («Давая обещание») является важным способом увеличения объемов пожертвований. Мы не можем утверждать, что люди всех социальных слоев занимаются благотворительностью потому, что им довелось слышать о подписчиках проекта Giving Pledge. Но Гейтс и Баффет признают, что для них он сыграл существенную роль: они увидели преимущества в его работе и важность проекта для себя. В отношении качества можно сказать, что современные исследования ищут пути, как сделать благотворительность более эффективной. Обмениваясь своими достижениями и неудачами, мы учимся увеличивать наше влияние таким образом, чтобы его можно было оценить количественно, учимся, как распространить эту практику.

ЧЧ: Мы очень много слышим о благотворительности 21-го века; как бы Вы ее определили?

ММ: Ключевое направление благотворительности 21-го века, по моему мнению, — глобализация, и эта тенденция еще усилится при помощи филантропов-граждан мира, то есть людей, способных видеть не только локальные нужды. Глобальные современные средства коммуникации — еще один фактор расширения благотворительности в смысле ее охвата и целей.

Заглядывая в будущее, я вижу, что главный благотворительный фронт в ближайшие 100 лет пройдет через Китай. Там производится огромная часть мирового богатства. Эта страна не создала институтов благотворительности, но имеет свои культурные ценности, с ней связанные. Пожертвования и милосердие в Китае ориентированы на институт семьи и реализуются через него. И я вижу семейную благотворительность как основной и главенствующий тип благотворительности в этой стране в ближайшие сто лет.

21-ый век будет также характеризоваться размыванием границ между благотворительностью и бизнесом. Мы уже видели, как это происходит при взаимодействии правительств и благотворительных организаций, как они работают вместе, например, в рамках частных открытых товариществ или двигаются по так называемому «среднему пути», согласованному Клинтоном и Блэром, когда правительства США и Великобритании становятся внешними поставщиками услуг для некоммерческого сектора экономики.

Наверняка мы станем свидетелями совместной деятельности бизнеса и благотворительности, внедрения на новом уровне в благотворительность принципов, свойственных бизнесу. Понятие «устойчивость» как ключевая составляющая благотворительности известно давно — мы все хорошо знаем уже затертую поговорку: «Научи человека ловить рыбу, и он сможет кормить ею всю жизнь». Средневековый еврейский философ и раввин Моисей Маймонид (Moses Maimonides) описывал самый высший из восьми уровней милосердия как «такую помощь бедному человеку, когда ему что-то дарят, или дают кредит, или принимают его партнером в свое дело, или устраивают его на работу с той целью, чтобы он больше не нуждался в поддержке других людей». Сама идея не нова, но способы ее реализации с помощью новых видов благотворительности постоянно пересматриваются. Мы видели, как в последние годы расцвели социальные предприятия и системы микро-финансирования, основанные на принципе устойчивости. Вместо того чтобы просто дать деньги, вы даете кредит на покупку, например, швейной машины и на обучение швейному мастерству, что позволяет человеку организовать собственный бизнес, а деньги потом возвращаются и используются для новых кредитов. Такой принцип очень разумен

применительно к большому числу людей. Мы также знаем, что сегодня корпорации должны демонстрировать свою приверженность принципам корпоративной социальной ответственности, и многие сейчас отчитываются о своих достижениях по системе двойного¹ и тройного критерия². Меня радует энергия и новые веяния, приносимые в дело благотворительности. Но здесь таится определенная опасность. Мы не знаем, куда все это движется. И уже видели примеры, когда бизнес, основанный на благотворительности, занимался преступной деятельностью. Микрофинансирование было создано для того, чтобы эффективнее помогать бедным, но применялось и как финансовый механизм для выкачивания из бедных людей денег. Мы должны также следить за тем, чтобы благотворительность не стала маркетинговым ходом недобросовестных игроков и не интерпретировалась каким-либо сомнительным или двусмысленным образом. Вот почему так важно сохранять критический настрой, обсуждать определение термина «благотворительность», говорить о том, чем она отличается от бизнеса и в чем заключаются основные причины ее существования. Мы должны постоянно напоминать себе об этической, благотворной природе данной концепции.

Хорошо, когда бизнес и благотворительность работают вместе для всеобщего блага и роста эффективности, но такой союз не застрахован от непонимания и манипулирования, и за этим необходимо следить.

ЧЧ: Должны ли мы стремиться только к очень эффективной благотворительности?

ММ: Нет. Случается, что оказать помощь кому-то, кто оказался в беде, даже если это далеко не самая эффективная помощь — наш моральный долг. Я здесь заимствую понятие «область моральной очевидности» из концепции Пола Фармера³. Опасно определять благотворительность как действие, генерирующее самый эффективный результат. Увидев тонущего человека, вы сначала бросаетесь его спасать, а уж потом спрашиваете, почему столько людей тонет в этой реке. И только наблюдая за другими людьми, оказывающими непосредственную помощь, мы примеряем и к себе такую модель благотворительности. Помогая другим, мы часто видим перед глазами пример своих родителей, и в этом смысле традиция проявлять милосердие переходит из поколения в поколение.

ЧЧ: Благотворительность все в большей степени становится объектом исследований. В чем их смысл?

ММ: Помимо вопросов улучшения управления благотворительными организациями — так сказать, технической стороны, — важно изучать и понимать ее концептуальную составляющую. Чтобы передать наши знания о благотворительности, необходимо выбирать слова очень осторожно и вдумчиво. Если вы попросите кого-нибудь оценить, является ли капитализм хорошим способом создания ценностей, то человек изложит свое понимание с помощью языка, изученного в школе. Таким же образом он может пояснить, как устроены различные правительственные институты, но нас не учили говорить о благотворительности, а ведь она является третьим по важности руслом общественной жизни. Мы лучше понимаем кулинарию, чем благотворительность. Однако важные традиции хороши только в том случае, если увязаны в систему и изучаются в процессе поступательного движения.

¹ Система оценки работы предприятия, учитывающая социальные последствия его деятельности

² Система оценки работы предприятия «люди, планета, выгода» включает в себя широкий спектр ценностей и критериев для оценки успеха компании (экономического, экологического и социального)

³ “For me, an area of moral clarity is: you're in front of someone who's suffering and you have the tools at your disposal to alleviate that suffering or even eradicate it, and you act» (Paul Farmer) — «Область моральной очевидности я бы определил так: вы видите, что кто-то страдает, и у вас есть возможность облегчить эти страдания или даже полностью справиться с ними — и вы переходите к действию» (Пол Фармер).